

«ИДЕНТИЧНОСТЬ»: КНИГА, КОТОРУЮ НУЖНО ПРОЧЕСТЬ

Не так давно президент Путин предложил составить список из ста книг, которые нужно прочесть. Пожалуй, если даже сократить этот список до десяти, я бы включил в него новый роман Леонида Подольского.

В романе, условно, есть две главные сюжетные линии. Одна, личная, о судьбах людей: самого Леонида Вишневецкого, главного героя романа, скрипача Эфраима Циркиса, писательницы Моти Блох, диссидентов и отказников Иосифа Голдентуллера (Шимшона) и Натана Чернобыльского, который напоминает Щаранского, и других. Эта линия, безусловно, интересна, даже, я бы сказал, она блестяще выписана, но мне хочется сейчас сказать о другом. О той линии, где главный герой – народ. Еврейский народ, русский народ. О той линии, которую можно было бы условно назвать философской...

«Время покажет», «60 минут», «Место встречи», «Право голоса», «Право знать»... Я навскидку перечислил передачи, заполнившие телящик. Они вроде бы носят дискуссионный характер. По замыслу авторов эти толковища должны служить показателями свободы наших СМИ. На самом деле они представляют собой механизм для выпуска пара. Состав их участников удручает постоянностью присутствующих и говорящих персон, так что заранее знаешь все их реплики и реакции.

Читая книгу Подольского, словно попадаешь в атмосферу подобных передач. Но «казус» Подольского состоит в том, что он действительно заинтересован в поиске правды, истины. В связи с этим мне на память приходят слова автора книги «Уолден, или жизнь в лесу» Генри Торо. Цитирую по памяти: «Не надо мне любви, не надо денег, не надо славы, дайте мне только истину». Может, отсюда и беспепелляция суждений Подольского. Настоящих на выстраданности того, о чём он говорит. С большинством его оценок я согласен. Вот, к примеру, такая: так называемая ленинская гвардия сама повинна в таком явлении, как сталинизм, сама создала ад, в который и оказалась низвергнута. Или другой пример. Леонид Подольский отнюдь не приходит в восторг от народа, среди которого живёт. Он нашёл жёсткое и, пожалуй, очень точное, ёмкое определение этого народа: подкаблучник. Что

и говорить: запоминается. Недаром в своём блестящем послесловии Лев Аннинский отметил этот эпитет.

Одна из тем, затронутых в романе, – антисемитизм. Воистину бессмертная тема для российского сознания. Мне на протяжении своей, довольно затянувшейся жизни в разное время приходилось общаться с людьми, имеющими отношение к церкви в качестве её служителей. Надо отдать им должное, что касается понимания искусства, философского антуража, да и насчёт материализма они вполне на уровне, но стоит только задать вопрос насчёт паствы, исповедующей религию, основанную евреем и при этом заражённой отменным антисемитизмом, как беседа тотчас принимает не самый джентльменский характер. Как тут не вспомнить слова Бабеля, сказанные им Паустовскому в 1920 году: «Я не выбирал себе родину. Я еврей, жид. Иногда мне кажется, что я могу понять всё, и только одного я не могу понять: причину той чёрной ненависти, которую так скучно зовут антисемитизмом».

Подобными горячими темами изобилует вся книга. Причём автор здесь выступает и в роли трибуна, и в качестве судьи. Его оценки людей, делавших и делающих историю, событий, в которых он участвовал или о которых знает из различных источников, порой ошарашивают своей субъективностью, даже я бы сказал, циничной снисходительностью. К примеру, это касается и лично мною уважаемого Михаила Горбачёва. В конце концов, именно Горбачёву мы обязаны той гласностью, при которой автор «Идентичности» может себе позволить такую свободу суждений. Впрочем, автор чрезвычайно эрудирован, великолепно владеет материалом и приводит свои аргументы. Не только убеждает, но иной раз и переубеждает читателя.

Нужно отдать должное Подольскому: книга его прямо-таки насыщена огромной информацией. В том числе, что особенно важно, о той эпохе и о тех событиях, которые нам досталось прожить.

Совершенно блестящи страницы, относящиеся к истории хазар, тех самых «неразумных», по определению Пушкина. Хочу отметить эрудицию и качество изложения. Не хуже лекции о лесе в романе Леонида Леонова.

О романе Подольского можно было бы сказать ещё много хороших слов, но мне хочется оборвать свои восторженные и одновременно путаные соображения, потому что «Идентичность» нужно читать. Сия книга стоит того, чтоб её прочесть и передать товарищу.

И БЫЛ ОСТАВЛЕН Я НА ТРЕТИЙ ГОД

Такой печальной подробностью начиналось одно из моих стихотворений. После появления его в печати меня иногда спрашивали: «А на «третий год» — это вы для размера?», — поскольку на «второй год» размер нарушал. Как правило, в момент этого вопроса что-то происходило с моим слухом.

Но ведь прежде чем остаться на третий год, сначала надо было остаться хотя бы на второй. Знай я тогда, что второгодниками были Белинский, Чехов, Астафьев, может быть, не так и убивался бы.

А начиналось всё не совсем скверно. Ещё в четвёртом классе я был крепким четвёрошником. Более того, последнюю четверть умудрился закончить с одной четвёркой. По русскому письменному. Балл снизили за почерк. В остальном же, как у юного Ленина: по математике — 5, по литературе — 5, по истории — 5, по географии — 5. Бред какой-то. Имея в виду моё последующее третьегодничество.

Словно бы предчувствуя, что подобные успехи мне в будущем не грозят, отец решил выжать из моего «подвига» на школьной ниве максимум возможного. Речь зашла о моём поступлении в музыкальную школу. А точнее — в военно-музыкальную.

Сам отец играл в самодеятельном оркестре на трубе. Я не раз видел, как на демонстрациях Первого мая и Седьмого ноября он шёл во главе колонны в составе музыкантов предприятия, где тогда он работал. И хотя ни о каких моих музыкальных способностях речи не шло, но то ли тот факт, что мы жили напротив «Гнесинки», из окон которой с утра до вечера неслись звуки: рояльного, скрипичного, баянного, гобойного и т.д. характера, то ли он полагался, как сейчас бы сказали, на гены отпрыска. Короче говоря, несмотря на серьёзный конкурс — тысяча с лишним человек на пятьдесят мест, решение было принято. Отцом, разумеется. Поступить.

Во всяком случае, все экзамены я сдал и проходной балл набрал. Особенно запомнился экзамен профилирующий, в результате которого определяли музыкальные способности и вид инструмента, на котором предстояло в дальнейшем зарабатывать кусок хлеба.

Комиссия была смешанной. Половина гражданских, половина военных. Вхожу. Один из экзаменаторов выстукивает на крышке рояля нечто. Повторяю «нечто». Просят показать руки. Смотрят на пальцы. Тогда я впервые услышал специфический термин — «децима». И только лет через десять, про-

читав у Слуцкого, «дециму берёт», понял, как мне кажется, что сие значит. И в заключение, один из гражданских попросил плюнуть. Набрав в лёгкие как можно больше воздуха, я, что называется, харкнул, и на полу оставил «вещдок». Раздался хохот. «Да нет, просто поплюйте». Я просто поплевал, и тут же был вынесен вердикт — флейта.

В течение уже довольно длинной жизни мне приходилось держать в руках с переменным успехом: кувалду, кирку, лопату, лом, молоток, в том числе и отбойный, зубило, напильники всех рангов, но только не флейту. Отец поздравлял с успехом. Я уже должен был ехать за формой...

В ряду казённых заведений, куда я не поступил, — военно-музыкальная школа была первой. Меня не принимали даже туда, куда иных загоняли чуть ли не силой. Я неоднократно пытался, когда мои дела в учёбе пошли менее блестяще, устроиться в ремесленное училище или ФЗО, но по причинам, о которых могу только догадываться, путь в эти «престижные» заведения для меня был закрыт.

Пятый класс я заканчивал упёртым троешником. А уж в шестом засел всерьёз и надолго.

По составу наш шестой «Б» был одним из сильных в школе №103. Одних «круглых» отличников насчитывалось шесть человек. Имена некоторых помню до сих пор: Алик Шнайдер, Володя Лысенко, Игорь Трякин, Женя Филиппов. Четвёрошников было пруд пруди. А я троешник. Правда, это никак не сказывалось на моих отношениях с «лидерами». С Женей Филипповым я даже дружил. Вернее, он со мной.

Вот уж чем жизнь меня не обделила, так это друзьями.

Существует мнение, что друзей, знакомых, приятелей надо заводить равных себе по интеллекту, социальному положению, способностям, а в последнее время, даже и национальность должна соответствовать требованиям. Формируйся круг моих знакомых в наши дни, я, скорее всего, был бы обречён на одиночество. Ни «социалкой», ни интеллектом, не говоря уже о национальной принадлежности, я не отвечаю современным требованиям на звание друга. А вот, поди ж ты. Если б не «природная» скромность, я бы привёл имена людей, которые числят меня в своих приятелях, знакомых, друзьях. Но первым таким другом, не отвечающим современным требованиям, был Женька Филиппов. Может, этому способствовало и то, что жили мы в пяти минутах ходьбы друг от друга. Он на Молчановке — рядом с нынешним музеем Лермонтова, я на Воровского в доходном — потом я прочёл у Олега Волкова — доме Писемского.

Вообще район, где «квартировал» наш класс, — Воровского, Молчановка, Собачья площадка — был нашпигован мемориальными местами. Один дом Цветаевой чего стоит. Другое дело, что мы не имели никакого представления о той же Цветаевой. Уже четверть века спустя я напишу:

Играли в салочки и жмурки,
Проказам не было числа,
В Борисоглебском переулке —
Там, где Цветаева жила.
Носились по бульжной суше
На самокатах и коньках,
И не нуждались наши души
В её трагических стихах.
Воспитанные с малолетства
На почитанье «Одного»,
Мы про великое наследство
Почти не знали ничего.
Мы были временем объяты,
Как пламенем, со всех сторон.
Мы были сказочно богаты
Предчувствием иных времён.
Какие радости и муки
Испепеляли нас дотла! —
В Борисоглебском переулке,
Там — где Цветаева жила.

У Женьки была нормальная, в смысле состава, семья. Папа, мама, бабушка, сестра (младшая) и даже домработница. Хотя, если учитывать положение, занимаемое главой семьи (он, кажется, был большой начальник), то домработница вполне вписывалась в этот семейный ряд. Как и было положено по тем, только-только послевоенным временам, имея такого «главу», мама Женьки не работала. Сам отец, несмотря на занимаемый «пост», отличался ровным характером. Без «фокусов». Я никогда не слышал, чтобы он повышал голос, жучил кого-нибудь, давал «указания». За три года, что я общался с Женькой (с третьего по шестой класс), я не слышал в его адрес реплик типа: пора за уроки, не задерживайся на улице, не связывайся с хулиганами. На полного

хулигана я не тянул, но и помимо довольно прохладного отношения к учёбе, я обладал некоторыми качествами, от которых и мой-то родитель не приходил в восторг. Тем не менее, никто из домашних моего приятеля меня не ставлял, не учил, не бранил.

А было за что.

Главное, что я устраивал Женьку. А чем? Поди знай! Ведая моё семейное положение — я рос без матери — меня подкармливали. И даже, когда в наших совместных проделках моя доля вины явно превалировала — её делили поровну. С ним я прошёл все положенные возрасту увлечения. Шахматы, шашки, игра в ножички, расшибец и прочие. Теперь названия иных игр забылись, хотя и сейчас я вполне могу подбрасывать на ногу тряпку с пришитой для веса пуговицей.

У Женьки я впервые познакомился с проигрывателем. И в присутствии, а особенно в отсутствии, родителей мы до упаду гоняли модных тогда певцов. Репертуар одного из них — Александровича — до сих пор у меня на слуху.

С Женькой мы расстались в середине шестого класса. Родители перевели его в английскую школу.

В силу того, что мы с Женькой в основном общались в школе, после его перевода наша дружба постепенно пошла на убыль.

Если успехи Женьки в английском помогли ему в дальнейшей карьере, то для меня инглиш стал одним из предметов, по вине которого я, собственно, и «загремел» сначала на второй год, потом и на третий. Вторым предметом в этой «сладкой парочке» была тригонометрия. Слово тригонометрия до сих пор ассоциируется у меня с большим мотком колючей проволоки. А с такими ассоциациями вникать в сущность всех этих «тангенсов», «катангенсов» — занятие малопродуктивное.

Но как бы то ни было, представить, что меня — Валентина Резника — оставят на второй год... Воля ваша... Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда.

Оказалось — может. Последовала переэкзаменовка на осень. Но кто же в начале лета думает об осени. Впереди пионерский лагерь. Три года (ох уж эта цифирь) я проводил одну из смен — каждая по сорок дней — в пионерском лагере от «Верховного Совета».

Дело в том, что мой отец с пятидесятого года работал наборщиком в газете «Известия» — органе Верховного Совета.

Располагался лагерь в Спас-Клёпиках. Добираться до него надо было в два приёма. Сначала на «кукушке» до Егорьевска сто вёрст, потом восемьдесят на грузовиках по дороге, о качестве которой говорит такая деталь: грузовики изнутри были выложены матрасами. Но всё равно это не спасало от синяков и шишек. Многих, и меня в том числе, укачивало до состояния, когда «хвалятся харчами». В дорогу, помимо родительских конфет и пряников, давались большие полубатонные бутерброды, проложенные маслом, сыром, колбасой, плюс свежие огурцы, сваренные вкрутую яйца и ещё что-нибудь съедобное. Как правило, всё это богатство мы во время рейса бросали стоящим вдоль дороги жителям окрестных деревень. Они уже заранее знали о дне, когда очередная лагерная смена будет проезжать.

Если иметь в виду, что край, через который мы направлялись в «Спас-Клёпика» — Мещёра, так великолепно описанная Константином Георгиевичем Паустовским, можно понять мою любовь к этому писателю. Каждый раз, перечитывая эту повесть, я как бы заново проделываю тот, Бог знает, какой давности и тряскости маршрут.

Будни и праздники пионерлагеря тоже не очень способствуют подготовке таких строгих дисциплин, как английский и тригонометрия. Масса отвлекающих обстоятельств. Спортивные мероприятия, военная игра, соревнования между отрядами на лучший спектакль, на лучшую стенгазету, да мало ли чем занимали юных ленинцев, только чтобы они не слонялись без дела. А ведь у каждого ещё были свои увлечения, хобби. У меня такой страстью являлась рыбалка.

Я только туда и обратно,
Туда и обратно. Туда —
Где лес в вечеряющих пятнах,
В закатных разводах вода.
Где мальчик на свае горелой
Следит за пером поплавка,
Где смотрятся оцепенело
В зеркальное лоно века.

В стихах речь идёт о вечерней рыбалке, а ведь была ещё главная — утренняя. Когда на «рабочем месте» надо быть часов в пять-шесть. А подъём в лагере в восемь. И вот мимо спящей вожатой, через окно, которое надо осто-

можно открыть, поскольку корпус, где находится отряд, на ночь закрывают, а там лёгкий соскок на муравистую землю и к мосту, под которым находится та самая «горелая свая», служащая «рабочим местом».

Следы босых ног чётко отпечатываются на покрытых ииеем досках. Дрожащей от волнения и от холода рукой размазываешь сооружение, именуемое удочкой, состоящей из ивового прута, капроновой лески, поплавок, грузила и крючка. На крючок насаживаешь аппетитного навозного червя рубинового цвета. Быстро поплевав, чуть не поцеловав извивающегося красавца, забрасываешь удочку и в тишине, нарушаемой кряканьем утино выводка или всплеском прибрежной живности, начинается действие. Вдруг поплавок (всегда вдруг) камнем пошёл вглубь. Тут не зевай. Точная подсечка — и вот уже в ладонях бьётся язь или краснопёрая плотва.

С червями у меня связана одна «хулиганская выходка». Обычно после рыбалки в коробке из-под леденцов оставалось какое-то количество навозных питомцев. И однажды «осенённый» я решил их использовать не совсем по назначению. Предварительно приведя червей в «божеский вид» — очистив их от среды обитания, сполоснув, я принёс их в столовую. По меню, вывешиваемому у входа в столовую, я знал, что на обед будет картофельное пюре. Когда дежурные разнесли тарелки со вторым по столам, я незаметно для соседей опрокинул содержимое леденцовой банки в белую пышную холмообразную порцию. Быстро забросал опешивших червей картофельной вкуснятиной и стал ждать. Когда навозники поползли на свет, я обратил на это внимание сидящих за столом...

Я тогда ещё не видел шедевр Эйзенштейна — «Броненосец Потёмкин», но история с червями в гнилом мясе, ставшая одной из причин бунта на корабле, была мне знакома.

Через час после «выходки» я стоял «с вещами» в прихожей директорского кабинета. Мне грозило «исключение». А если учесть, что за мной числилась ещё «переэкзаменовка», можно представить, с какой радостью папа принял бы меня дома. Но всё обошлось. Видимо, учли статус моего отца — он был одним из лучших работников «Известий». Да к тому на руках двое детей (у меня ещё старший брат — Гриша), лишённых матери. Так что, скорее всего, решили не расстраивать его. Торопливо дав «честное пионерское», что такое больше не повторится, и наказанный отлучением от «кина» — вечером должны были продемонстрировать «Без вины виноватых» — я был отпущен с миром.

Придя 1 сентября 1951 года в школу, я нашёл своё имя в списке того же шестого «Б», только с другим составом участников. Началось моё второгодничество.

Ко второгодникам я относился с презрением. У нас в школе было несколько экземпляров этой разновидности. И хотя причины, по коим они стали второгодниками, были различные (по болезни, к примеру), всё равно моё отношение к ним оставалось неизменным. Самое интересное, что уже и сам став второгодником, я продолжал относиться (исключая себя, разумеется) к ним по-прежнему. И тогда, и сейчас «второгодник» звучит для меня более отрицательно, чем «третьегодник».

Новый шестой «Б» по успеваемости уступал «моему» «Б». Хотя и здесь были отличники и четвёрошники, но, во-первых, не в таком количестве, а главное, не такого качества.

В связи с этим вспоминаю одну историю. Кажется, в классе пятом, пользуясь тем, что не пришёл кто-то из учителей, и урок оказался свободным, мы вызвали всех шестерых своих отличников к доске и «гоняли» их по всей учебной программе. Задавали вопросы, какие только приходили в голову, даже такие, на которые и сами вряд ли могли ответить. Наши «кругляки» держались молодцами. Прямо готовая команда для будущей ворошиловской телеигры «Что? Где? Когда?». Однажды, когда я предложил провести подобный эксперимент своим новым одноклассникам, на меня так посмотрели... чья бы корова мычала...

Второй год обучения был выдержан примерно в таких же параметрах, как и первый. Та же неподъёмность в тригонометрии и английском. В остальном, кроме истории, географии, конституции, литературы, — твёрдые тройки. Как и положено «ветерану», я сидел на задней парте со скучающим видом. Нам, дескать, всё это знакомо. Со мной вместе сидел такой же «ветеран» вроде меня. Он был переведён из другой, менее благополучной, школы в нашу сто третью, видимо, в надежде, что более высокий уровень преподавания поможет ему повысить и свою успеваемость. Звали моего нового товарища по несчастью Владимир. Когда я как-то попытался «утеплить» его имя, назвав Володей, он ещё раз повторил — Владимир. Выглядел Владимир старше своих лет. Хотя сколько ему было «своих» я не знал. Вёл он себя степенно. На переменах из класса выходил одним из последних и после её окончания входил в том же порядке. Курил. Это был первый курильщик, с которым я был знаком. Имея в виду своих сверстников. Отличаясь повышенной немно-

гословностью, он как-то кратко сообщил, что в раздевалке на катке «срубил целку», из чего я несколько позже сделал вывод, что кроме табака он был знаком и с женщинами. Не помню, чтобы Владимир «тянул руку», дабы продемонстрировать свои знания. Чтоб просил списать или готовил шпаргалку к очередной контрольной. На меня он не «влият» ни в дурную, ни в хорошую сторону. В конце третьей четверти он просто перестал «посещать» занятия. Я никогда больше его не видел. Но то достоинство, с каким Владимир нёс крест второгодничества, остался в моей памяти. Для меня же второй срок обучения был памятен случаем, в результате которого я, второгодник, был избран председателем совета отряда.

Началась эта история с моего столкновения на перемене с одним одноклассником-арабом. Ничего, кроме хорошего, сказать о нём не могу. Сын одного из дипломатических работников, он мало чем отличался от всех прочих: поведением, учёбой, экипировкой. Если бы не внешность — смуглый цвет лица, курчавые, как у Пушкина, волосы, то прямо свой брат арбатского разлива. Его особенно не выделяли ни учителя, ни ученики. Хотя, казалось бы, экзотика.

Итак, не помню, что послужило причиной, но в результате потасовки или драки араба и еврея (правда, о том, что я еврей, никто в классе не знал, и я в первую очередь. До «дела врачей» во всяком случае в школе на пятый пункт не обращали внимания). Были разбитые носы, значит, текла кровь и у того, и у другого. Но кровь дипломатического отпрыска ценилась выше, хотя сам отпрыск на следующий день в знак примирения принёс мне целых два бутерброда с красной икрой. Правда, тогда красная икра не была в таком престиже и в такой цене, какой стала позднее. Срочно собирается классное собрание и меня в два счёта исключают из пионеров. Потом, объясняя строгость применённой ко мне меры, старшая вожатая говорила, что мой поступок — стычка — мог отрицательно повлиять на наши отношения, кажется, с Суданом. Некоторое время я ходил в «героях дня». А когда истёк «карантин», я был исключён на несколько месяцев, то на процедуре «приёма», как бы в пику старшим, пользуясь пионерской демократией, мои товарищи выбрали меня председателем совета отряда.

Но моё «председательство» никак не сказалось на успеваемости, хотя, мне казалось, уменьшало шансы на то, что со мной в «случае чего» поступят менее кровожадно.

Увы! Сценарий повторился с неумолимой точностью. Переэкзаменовка по тригонометрии и английскому опять светила мне в конце учебного года.

И тогда мой родитель, видя, что моё второгодничество может плавно перейти в третьегодничество, решил на неординарную меру. Он предложил мне следующее: за каждый трудный предмет в случае повышения его уровня до четвёрки или пятёрки — он платит. За четвёрку четыре рубля, за пятёрку — пять.

Вскоре в моём дневнике четвёрки и пятёрки стали не редкими гостями и как раз по «трудным предметам». В конце недели я предъявлял дневник как наряд для оплаты сделанной работы. Первый, кто обратил внимание на такую «успеваемость», был старший брат — Гриша. Он справился у одного моего одноклассника, что проживал в нашем дворе, насколько верны «валькины оценки». Одноклассник, не предупреждённый мной (а то прикрыл бы), сказал всё, как есть. Брат «доложил» об истинном состоянии дел, и расплата не замедлила грянуть. До этого случая отец ни разу не поднимал на меня руку. И, конечно, не денег ему было жалко, а та наглость, с которой я воспользовался его «педагогическим приёмом».

Прости, папа!

Прошло пионерское лето. Настало первое сентября 1952 года. Услышав решение педагогического совета с той же формулировкой, только вместо «на второй год» там было «на третий», я флотской походкой вышел из класса, осторожно прикрыл дверь и вышел на улицу.

Свободен!!!

А дальше что? Ясно только, что с таким результатом домой лучше не появляться. И я пошёл искать работу. Это в четырнадцать-то лет, да с моими физическими данными. О таких говорят — «шибздик». Поехал в Краснопресненский райисполком. Нашёл комнату, где занимаются трудоустройством. Стучусь.

— Войдите. Тебе чего, мальчик? — спрашивает средних лет женщина.

— На работу пришёл устраиваться, — отвечаю.

— Вот видишь, — обращается она к стоящей перед ней девице, — такой маленький, а хочет работать. А ты? Ну, выйди в коридор, а мы пока с мальчиком разберёмся. Выкладываю трудоустройщице всё, как есть. И про учёбу, и про сиротство (это был мой основной козырь). Ни о чём меня больше не спрашивая, эта святая женщина, имя которой я должен бы хранить до гроба, а забыл через два дня, — села на телефоны, и вскоре в моих руках был адрес завода, куда я должен был пойти устраиваться на работу. Нахожу на Горбатом мосту Завод кроватный №3. Направляюсь в отдел кадров. Оттуда вместе с

кадровичкой в кабинет главного инженера завода. Подходит директор. Начинают решать, куда меня определить. В малярку? — Там воняет красками, да и бабы слишком матом ругаются. Может, к прессовщикам? — А чему он там научится, только на подхвате ящики с деталями таскать. Остановились на ОГМ — отдел главного механика. Самое элитное место на заводе. Там работали высококлассные слесаря-инструментальщики и слесаря по ремонту оборудования. После ухода кадровички главный инженер, татарского вида мужчина, спросил с улыбкой:

— Пьёшь?

— Нет, — честно ответил я.

— На, возьми. И он протянул мне красно-жёлтый мясистый солёный помидор.

До сих пор я закусываю им.